

ПРЕДИСЛОВИЕ

Аркадий Шварцер написал новую книгу в захватывающем жанре, давно господствующем на Западе, но очень редком у нас — в силу засекреченности в России «нетипичных сторон жизни». Как доблестная милиция ловила жуликов, описывалось километрами. Но как умные и весёлые жулики проворачивали головоломные аферы, прекрасно зарабатывая, наслаждаясь интересным делом и при этом ещё и никому не принося вреда — о, после Остапа Бендера об этом писать было запрещено.

Вы часто видели мемуары фарцовщика? А мемуары карточного шулера, карманного вора, фальшивомонетчика? Нет?

А сейчас вы держите в руках книгу представителя самой интеллектуальной и эстетически ценной профессии из всех, что держались в тени Закона. Человек имел дело с шедеврами человеческой мысли и духа — книгами, картинами, скульптурами и рукописями. Ему нужно было найти их, купить и продать, но уже дороже. При этом: не сесть, никого не обмануть и не дать обмануть себя. Для этого требуются авантюризм, ум и художественный вкус в одном флаконе.

Сегодня Аркадий Михайлович Шварцер — эксперт в области живописи, знаток и коллекционер раритетных книг. А начинается его повествование с жизни в условиях, которые сегодня назвали бы трущобами. А дальше...

Вот прогульщик предъявляет справку с вокзала, что вчера не ходили поезда. Вот на зарплату полотёру уходит весь хозяйственный бюджет института. Вот человек меняет раритетный «мерседес» Евы Браун на автограф Ленина... Но не будем пересказывать всё заранее и лишать читателя удовольствия.

Аркадий Шварцер

А удовольствие предстоит бесспорное: книга читается очень легко, стиль забавен, сюжеты встречаются головокружительные, и главное — перед нами чистая правда об СССР. Не вся. Но малоизвестная и весьма любопытная правда.

Михаил Веллер

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга является не продолжением, а дополнением к моей книге «Спекулянт, или Подлинные и занимательные истории спекулянта антиквариатом». Все истории, собранные и в этой книге, абсолютно правдивы. Кроме того, я старался, чтобы эти истории были весёлыми и увлекательными. Порой я сам изумляюсь, что мне удалось стать участником таких удивительных событий.

Эта книга, в которой я старался соблюсти хронологическую последовательность, содержит три части.

В первой части описаны истории из моего счастливого советского детства и события, которые происходили на местах моей официальной и криминальной (по законам того времени) трудовой деятельности.

Во второй части описаны случаи, участником которых мне волей-неволей довелось быть в период становления новой России после развала СССР — времена, когда случались самые невероятные события.

В третьей части пыливый читатель доберётся до любопытнейшей информации про евреев (как без них?) и узнает много занятного об авторитетах, которые непрерывно учат нас жить во всех СМИ сегодняшней России, а также получит представление о самых любопытных и дорогих книгах в истории нашей страны. И не только.

Вы сможете заглянуть на кухню спекуляции антиквариатом и увидеть изнутри много необычайного и поучительного о коллекционерах, искусствоведах и прочих чудаках, аферистах и мошенниках.

В завершение — интервью с Казимиром Малевичем, в котором он сам лично (!) объясняет всем алчущим и жаждущим правды, в чём смысл и идея его «Чёрного квадрата».

ТЕСТ НА ЧИТАБЕЛЬНОСТЬ

Время — деньги, как давно известно. В современном мире время стало дороже денег. Потому привычно вошли в нашу жизнь всякого рода тесты. Чтобы чтение этой книги кому-то не показалось попусту потраченным временем, предлагаю тест на читабельность.

Прочтите, это не займёт много времени, зато потом сможете с полным основанием решить — читать или читать остальное.

Надеюсь на благосклонность и снисходительность читателя.

Коллекционер-милиционер

Попалась на глаза заметка в интернете, и вспыхнуло воспоминание о необычайном случае в нашем мире книжников.

Начало восьмидесятых прошлого века. Московские магазины букинистической книги можно было пересчитать по пальцам. В одной такой культовой точке — «Лавке писателей» на Кузнецком Мосту — работал продавцом Юра Калгатин.

Если верить интернету, то «легендарная московская “Книжная лавка писателей” на Кузнецком Мосту... создана была по инициативе Максима Горького 3 марта 1931 года решением правления Всероссийского союза советских писателей». Оказывается, «ещё с 60-х годов XIX столетия на этом месте находились небольшие книжные магазины, а с 90-х годов того же века здесь разместился книжный магазин известного “Товарищества М. О. Вольфа”». Получается, что «Книжная лавка писателей» — старейший книжный магазин Москвы.

В те времена на первом этаже магазина обычно толпились простые книголюбы, а на втором гоняли чай обласканные властью важные советские библиофилы. Ранжированная жизнь во всём. На близком к народу первом этаже «Лавки писателей» и трудился Юрий Петрович Калгатин, которого все знали как Юрку Лавочника. Юра был очень странным человеком — не от мира сего. Казалось, что, кроме книг, его вообще ничего не интересует. Семью не завёл, сугубый интроверт, вечная улыбка, тихий голос, взгляд поверх очков, замедленные движения. Типичный «юродивый» книголюб с неизменной сигаретой в прокуренных зубах.

В ранней молодости Юра отмотал срок по глупости: кто-то его «подставил», как водится. Последние свои годы Лавочник работал по заданию Олега Лукашина над систематизацией антикварных и аукционных каталогов XIX–XX веков. Я бывал у него дома вместе с Олегом: до потолка деревянные каталожные ящики с несчётными карточками. Как сложилась судьба этого титанического труда и гигантского каталога после смерти Олега, а потом и Юры, мне неизвестно.

Вернёмся к началу застойных брежневских восьмидесятых. Эту историю рассказал нам с Олегом сам Юра Лавочник.

В один прекрасный день к «Лавке писателей» подрулила грязная «шестёрка» «жигулей» с тбилисскими номерами. Снаружи грязная, а внутри шикарная: чехлы, музыка, антенны, висюльки у лобового стекла — мечта кавказца! Из машины вывалились двое обросших чёрной щетиной джигиты. Дико озираясь и потягиваясь, джигиты неожиданно направились в «Лавку». Покупатели сразу притухли от вида таких книголюбов.

— Э, уважаемый, кто тут Юра Лавочкин? — спрашивают джигиты у ближайшего продавца. Тот показывает на остолбеневшего от ужаса Юру с приклеенной улыбкой.

— Юра — ты? Давай выйдем, Юра, надо поговорить очень.

— Я на работе. Я не могу покинуть рабочее место, — начинает слабо протестовать Юрка.

— Э, какая работа? Мы больше один суток гнали за рулём не останавливаясь. Один суток, уважаемый. Вопрос жизни и смерти, понимаешь? Давай иди сюда, не вынуждай нас беспокоиться.

Под испуганными взглядами покупателей Юра обречённо отправился к двери, успев по пути мужественно предупредить коллегу, что идёт только покурить. Сам, значит, идёт, по доброй воле. Вышли, отошли в сторонку.

— Уважаемый Юра, брат, не пугайся, мы сейчас тебе всё объясним. Нашего самого близкого друга арестовали менты. В Тбилиси. Он сейчас в тюрьме. Ортачальская тюрьма, знаешь? Тебе лучше никогда это не узнать. Это ад. Поверь, я знаю, я сам там сидел, и мой товарищ тоже там сидел. Ну жизнь у нас такая, понимаешь? Мы воры — такая работа у нас.

— Понимаю, — сказал Юра. — Я сам четыре года провёл на зоне под Гринтауном, в смысле — Зеленоградом. И в Бутырке бывал, и в пересылке на Пресне.

— Ну вот, — обрадовался джигит. — Значит, понимаешь. Мы, конечно, сразу навели мосты, и нас вывели на большого ментовского начальника, от которого всё зависит. Судьба друга нашего зависит. Следствие пока идёт, вопрос надо решать, потом поздно будет, ну ты всё понимаешь. А этот мент очень любит книги и в Москве часто бывает. Он передал через нужных людей, что есть в Москве Юра Лавочкин — это ты, значит, который в «Лавочке писателей» на Кузнецком Мосту. У меня всё записано — видишь? А у этого Юры — у тебя, значит, — есть книга. Всё понял? Нам передали, что если мы эту книгу менту достанем, то он нашего близкого освободит. Понимаешь? Ну мы в тачку и погнали к тебе. Один суток. Только менялись за рулём, заправка и всё такое. Две тысячи километров.

— Какая книга? Почему у меня? Я продавец, я не коллекционер. И я не Лавочкин, а подозреваю, что Лавочник.

— Вот прочти сам, уважаемый Юра. Тут написано.

Юрка взял в руки мятый листок и прочёл: «Заумная книга с пуговицей».

— Да, была у меня эта книга, только называется она «Заумная гнига», первая буква «г». А пуговица наклеена на обложке. Там десять линогравюр Ольги Розановой, очень редкая вещь, — оживился Юра.

— Э, брат, ты нам цену не накручивай: редкий-шметкий, мы тебе говорим, что судьба человека висит, а ты нам тут поёшь про редкий. Я сам редкий, очень редкий — понимаешь?

— Так давно нет у меня этой книги, я продал её, — заторопился Юра. — Нет книги, простите, ребята, как бы не хотелось, но не могу вам ничем помочь.

— Можешь, ещё как можешь, Юра Лавочкин. Кому продал, давай адрес, мы к нему поедём.

— Я не знаю адреса, только телефон. Но это очень важный человек, высокопоставленный. Он не будет с вами говорить. Я правда не могу ничего для вас сделать...

Через секунду Юра согнулся от удара в живот и в таком виде легко переместился на заднее сиденье машины.

— Слушай, Юра, мы без этой книги не уедем, не надейся даже ни на одну секунду. Поехали к твоему другу. Показывай дорогу. Потом позвонишь и скажешь, чтобы вышел к тебе. И тогда мы тебя отпустим. И не думай ловчить-хитрить. А посмотри, Юра, что у меня есть — видишь? Это пистолет Макарова. Хочешь, дам пострелять? — оба весело расхохотались. — Шутка, уважаемый Юра. Мы же живые люди и пошутить любим тоже. Давай, куда ехать, говори.

Юра согласился позвонить, не отходя от «Лавки». Назначил встречу своему клиенту — ответственному советскому руководителю. Приехали на встречу. Джигиты, убедившись, что книга действительно находится у этого человека, Юрку отпустили. Не забыв предварительно выяснить, за сколько Юра её продал.

Потом этот коллекционер позвонил Юрке и долго материл его самыми последними словами. Какие-то деньги за книгу он получил, но, разумеется, не те. И получается, вроде не ограбили. Получив книгу, джигиты умчались в наступившую ночь. Сейчас, кстати, точно так же технично грабят.

Обложка книги «Заумная гнига», по мнению многих исследователей, — это первый в истории России и один из первых в мире коллаж! На обложку Ольга Розанова (1886–1918) приклеила бумажное сердце красного цвета, а сверху ещё белую костяную пуговицу.

Тексты Алексея Кручёных чередуются с десятью цветными линогравюрами Розановой, изображающими стилизованные игральные карты. В большинстве экземпляров книги девять гравюр, трефовый валет встречается крайне редко, поскольку это был портрет самого Кручёных (мужа

Розановой). По словам Алексея Кручёных (1886–1968), он вырезал штампы для своей книги из сапожных каблуков. А потом печатал вручную тексты стихотворений этими штампами красным цветом.

Кручёных А., Алягров Р. Заумная гнига. Цветные линогравюры О. Розановой. Москва, 1916 год. 36 с. 21 л. (10 листов текста А. Кручёных, 1 лист — Р. Алягрова-Якобсона, 10 линогравюр — О. Розановой)

То есть «Заумная гнига» Ольги Розановой — это изготовленная вручную авторская книга. Книга вышла в 1914 году, хотя на обложке указан 1916 год. Поскольку это была книга будущего — «Будетлянский клич». По свидетельству художницы, линогравюры для книги печатались «на бумагах тетрадной, обёрточной, слоновой и др.». На задней обложке экземпляра из Музея Маяковского Кручёных сделал пометку — «Тираж 100 экз.».

Сегодня «Заумная гнига» в хорошем состоянии может стоить до ста тысяч долларов США.

Эту историю заставила меня вспомнить заметка в интернете, где я неожиданно прочёл имя начальника из Тбилиси, для которого старались вышеупомянутые джигиты. Я знал его — Дамиана Аланию — настоящего коллекционера, полковника милиции из Тбилиси, свято преданного своему увлечению — книгам русского авангарда начала XX века.

Цитирую начало этой заметки:

«ТБИЛИСИ, 2020 — Новости-Грузия. Картина “Пасхальный ягнёнок” самого известного грузинского художника Нико Пиросмани по решению суда будет изъята у государственного музея и возвращена частному лицу, который был признан её законным владельцем. Картина в 2011 году была изъята у семьи жителей Тбилиси по фамилии Алания и передана Национальному музею Грузии».

Далее излагается казённым языком очень запутанная история. Попытаюсь её пересказать, поскольку она прекрасна и типична для постсоветского пространства. С обязательными цитатами из этой заметки.

При президенте Грузии Михаиле Саакашвили в 2009 году Дамиан Алания обратился в Министерство культуры Грузии, чтобы получить официальное подтверждение подлинности картины «Пасхальный ягнёнок». Эта картина была куплена им в антикварном магазине некой Мзии Шалвашвили.

Через год пришёл ответ за подписью аж самого министра культуры (с 2009 по 2012 год) Николоза Руруа. В письме говорилось, что «этот “Пасхальный ягнёнок” не является частью творчества Пиросмани». Проще говоря, картина была признана подделкой. Но мало того — было возбуждено уголовное дело как против Дамиана Алании, так и против директора антикварного магазина Мзии Шалвашвили. Их обвинили в попытке легализовать и продать произведение искусства, о котором, оказывается, «было известно, что им завладели преступным путём».

Картина в 2011 году была изъята у семьи Алания и передана Национальному музею Грузии. «Это произошло после

того, как в Министерстве культуры заподозрили, что картина ранее была похищена, а потом приобретена нечестным путём». (Заподозрили!)

В июне 2012 года суд признал Мзию Шалвашвили виновной в изготовлении поддельной квитанции о покупке Дамианом Аланией картины Пиросмани и приговорил её к одному году условно.

Итак, итожим: министр культуры Грузии лично постановил, что присланная на экспертизу картина «ранее была похищена», является безусловной подделкой, как и квитанция о её покупке. Виновные осуждены. Ворованная и фальшивая картина при этом передана в Национальный музей Грузии.

Меняется власть. После Михаила Саакашвили президентом Грузии становится Георгий Маргвелашвили (2013–2018). Дело о картине Пиросмани пересматривается специальным департаментом прокуратуры. Наконец, в 2018 году суд постановил, что именно истец Алания (сын Дамиана) является законным владельцем «Пасхального ягнёнка», а не Национальный музей Грузии. Картина возвращена истцу.

Подведём окончательный итог: конечно, это история со счастливым концом. Закон восторжествовал вновь! Несмотря на то что картина «ранее была похищена», «приобретена нечестным путём» и «не является частью творчества Пиросмани». Таким образом, чтобы сегодняшний нечестный путь завтра стал честным, а фальшивая картина превратилась в подлинную, нужно совсем немного — надо, чтобы сменилась власть.

Неплохое наследство оставил своему сыну настоящий полковник милиции Дамиан Алания: книги русского авангарда, картину Пиросмани и наверняка многое другое, не менее ценное...

Часть I
Коллективы

ГЛАВА 1

АЗБУКА

Мои Фили

Я родился в середине XX века в Москве в Филях. «Село Фили (ранее Хвили) располагалось вблизи Москвы на речке Фильке, в четырёх верстах от Дорогомиловской заставы. Известно с 1454 года», — сообщает интернет. Улица, на которой стоял наш дом, называлась Красная. Рядом была и Чёрная улица. Сейчас ровно по нашей бывшей Красной улице идёт линия метро от станции «Багратионовская» к станции «Фили».

Там я прожил свои первые десять лет. Когда стали строить линию метро, дома на нашей улице снесли. Дом наш был государственный: одноэтажный маленький деревянный сруб. В доме была общая кухня и три комнаты. В каждой комнате жила семья. Типичная коммуналка. Правда, без удобств.

Готовили на керогазах, потом на керосинках. За год до сноса провели нам газ и появилась на общей кухне газовая плита с четырьмя конфорками. Электричество часто отключали. Тогда зажигали свечи и керосиновые лампы. Воду брали из колонки, которая была недалеко от нашего дома. Когда я подрос, ходил за водой сам, особенно когда мама стирала бельё в корыте. Зимой колонка обрастала льдом и было очень сложно и скользко к ней подобраться.

Холодная деревянная наша уборная была на улице, не очень близко к дому, чтобы не воняло. Зимой отхожие

дыры в уборной обрастали льдом. Естественно, народ пользовался горшками, не бегать же ночью по нужде, особенно в холодную пору. Мне потом много лет снился кошмарный сон, как я поскользываюсь и падаю в эту огромную дыру в уборной (она была рассчитана на взрослого) в жуткую массу, на поверхности которой всегда кишели миллионы червей-опарышей.

Регулярно приезжал ассенизатор на машине с металлической круглой бочкой и гофрированным шлангом. Через этот шланг вечно воняющий золотарь всасывал фекальную массу. Много позже я узнал, что в медицине опарыш применяется в некоторых клиниках как дешёвый, эффективный и безопасный способ очистки ран от мёртвых тканей и нагноений. Личинку помещают на рану и оставляют на некоторое время, в результате чего опарыш съедает все мёртвые ткани, оставляя рану чистой. Этот метод используется в медицинских центрах Европы и США.

Зимой топили печку. У каждой семьи в комнате была своя печка. Коммуналка! Каждый сам по себе. Отец по утрам колот дрова. Они хранились в нашем сарае. Вечером топили печь. Зимним утром из-под одеяла не вылезешь — холодно. Печь плохо держала тепло. Потому отец вставал спозаранку и опять топил печь. В комнате тринадцать метров квадратных мы жили впятером. Мать, отец, я с сестрой на пять лет меня моложе и дед — отец папы. В соседней девятиметровой комнате жили очень бедные Книжнерманы: пожилая тётя Лиза и два её сына. Их отец погиб на войне. И в третьей, двадцатиметровой комнате жили богатые Грановские: тётя Роза, дядя Юзик, их дочка Эммочка и баба Фира — мать тёти Розы.

Каждая комната имела одно окно, которое выходило на свой маленький садик. Во многих домах на Красной улице жили евреи. Остальные жители, как водится, были антисемитами. Это был город Москва. И не сказать, что совсем окраина.

Дед мой плохо говорил по-русски. Его родной язык был идиш. Это еврейский язык германской группы, исторически основной язык ашкеназов, на котором в начале XX века говорило около одиннадцати миллионов евреев по всему миру.

Мои родители родились в городе Бердичеве в Украине. Там, в черте оседлости, сформировалась своя субкультура с языком идиш. Дед был 1871 года рождения, на год моложе Ленина. Отец родился в 1907 году и до четырнадцати лет тоже не знал русского. Однако со временем русский язык моего отца стал очень богатым и литературным благодаря тому, что отец много читал.

Баба Фира, наша соседка, была старше моего деда лет на десять. Она в свои почти девяносто лет работала посудомойкой в какой-то столовой и была бойкой, сухонькой, маленькой старушонкой.

— Фира, старая воровка! — орал мой дед на коммунальной кухне. — Где мои очки?

— Да вот же, Исаак Беркович, они у вас на лбу, — с испугом отвечала бабка Фира.

— А-а, старая воровка, уже подсунула?

Обвинения в воровстве были небезосновательны. Часто дед повторял историю, как он пошёл на улицу в туалет, ровно на секундочку, и забыл запереть дверь в нашу комнату. Исчезло почти новое габардиновое пальто — совокупный заработок отца за четыре месяца. Дома была только бабка Фира и тётя Лиза Книжнерман — божий одуванчик. Кто ещё мог украсть? Но Фира ушла в глубокую отрицаловку, и дед ничего не смог доказать. Милицию никогда не тревожили — себе дорожке выйдет. Решали всё сами. Отец на общей кухне бил в кровь зятя бабы Фиры дядю Юзика Грановского по этому поводу, но всё впустую. Впрочем, это был не единственный случай воровства, и мой отец регулярно бил дядю Юзика.

Одинокой соседке бабке Лизе Книжнерман с двумя детьми отец помогал. Покупал регулярно для неё дрова. Позже устроил обоих её парней на хорошую работу в типографию.

Тётя Роза Грановская работала инспектором продуктовых магазинов и каждый день приходила домой с сумками, полными дефицитных продуктов. Это были взятки. Мой отец работал директором книжного магазина на Войковской. Мать работала врачом в районной поликлинике на Филях. Типичная советская интеллигенция.

Однажды к отцу на работу пришёл инспектор с проверкой. Отец был опытным руководителем, он потребовал документы у инспектора и сразу просчитал, что он подослан